

УДК 903.5

С.Г. Росляков

Дворец творчества детей и учащейся молодежи "Юниор"
 ул. Кирова, 44а, Новосибирск, 630102, Россия
 E-mail: serggorg@sibnet.ru

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САНАТОРНЫЙ-1 И ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ

Период развитого средневековья в истории юга Западной Сибири является наиболее важным этапом в формировании современных коренных народов, проживающих на этой территории. В начале II тыс. н.э. в Новосибирском Приобье происходит смена населения. Исчезает существовавшая здесь в течение тысячелетия культура лесных угро-самодийских племен, регион входит в обширный ареал тюркского этноса.

Большое значение для исследования проблем культурогенеза имеют погребальные памятники. В последнее десятилетие на правобережье Оби в районе г. Новосибирска полностью исследованы два курганных могильника, относящихся к предмонгольскому времени: Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 [Новиков, 1998; Росляков, 2001]. Особый интерес представляет могильник Санаторный-1 (рис. 1). В результате работ отряда юных археологов Дворца творчества детей и учащейся молодежи "Юниор" г. Новосибирска под моим руководством на могильнике исследовано 27 курганов. Под насыпями на уровне почвы и в почве выявлено 151 погребение взрослых и детей. С учетом особенностей инвентарного комплекса и результатов радиоуглеродного датирования, проведенного в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН Л.А. Орловой, время функционирования могильника Санаторный-1 может быть ограничено XI – серединой XIII в.

Культурная принадлежность памятников первой половины II тыс. н.э. на юге Западной Сибири исследователями в настоящее время определяется по-разному. Могильники X–XII вв. в лесостепном Приобье, включая Новосибирское Приобье и Кузнецкую котловину, ряд археологов относит к локальным вариантам сrostкинской культуры или сrostкинской куль-

турной общности [Могильников, 2002б; Неверов, Горбунов, 2001]. По археологическим материалам лесостепного Алтая XIII–XIV вв. выделена кармацкая культура [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 143]. По мнению Д.Г. Савинова, собственно сrostкинских памятников второй половины XI–XII в. на Северном Алтае не известно [1994, с. 155]. Носители сrostкинской культуры в основной своей массе покинули эту территорию. На Северный Алтай пришла новая группа населения, культурные традиции которой отличны от сrostкинских. Значительная часть носителей сrostкинской культуры продвинулась вниз по Оби на север лесостепного Приобья. А.А. Адамовым памятники Новосибирского Приобья X–XIV вв. отнесены к сrostкинской культуре [2000]. В материалах средневековых курганов могильника Быстровка-1 А.П. Бородовский усматривает черты культур как кимако-кыпчаков, так и печенегов [Бородовский, Троицкая, 1998]. А.В. Новиков на основе погребально-поминальных комплексов Ташара-Карьер-2 и Осинки выделил осинкинский тип памятников [Новиков, 1998, с. 51]. Л.М. Плетнева считает, что сrostкинская культура закончила свое существование в XI в. [1997, с. 123]. Ее наследие на территории Томского Приобья вошло в новую культуру, басандайскую, ареал которой охватывает Нижнее и, возможно, Среднее Притомье, а также Новосибирское Приобье. Поминально-погребальные комплексы начала II тыс. н.э. в Кузнецкой котловине, по мнению А.М. Илюшина, представляют локальный вариант этой культуры. Материалы развитого средневековья с территории всего Верхнего Приобья он интерпретирует как относящиеся к единой басандайской этнокультурной общности [Илюшин, 1998].

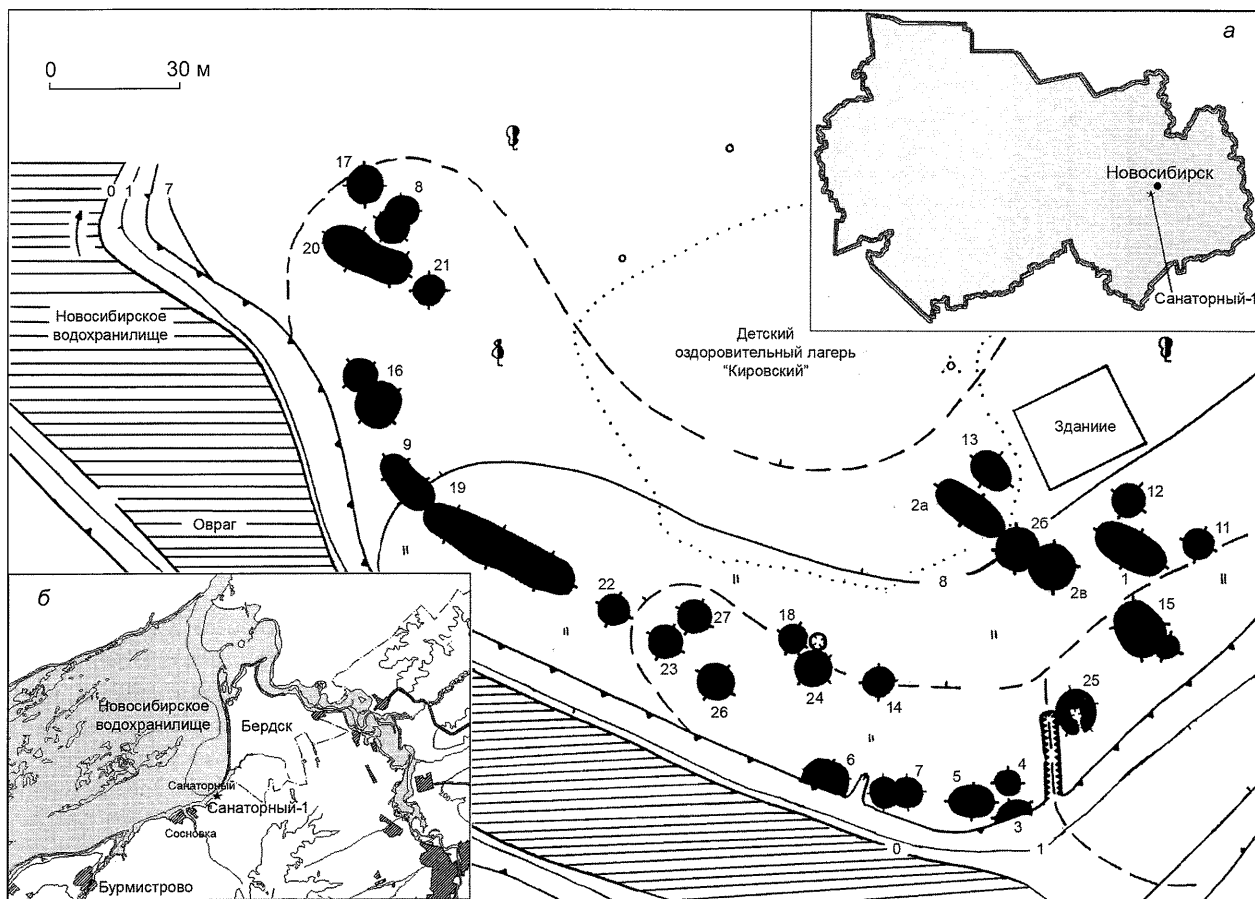

Рис. 1. План курганного могильника Санаторный-1.

На врезках показано расположение памятника в Новосибирской обл. (а) и Искитимском р-не НСО (б).

В отношении памятников Новосибирского Приобья первой половины II тыс. н.э. наиболее развернуто представлена точка зрения А.А. Адамова [2000, 2002]. Согласно предложенной им периодизации сrostкинской культуры Новосибирского Приобья, она появляется здесь в середине X в. [Адамов, 2002, с. 12] и без значительных изменений существует до XIV в., а возможно и до XVII в. [Там же, с. 16]. В ее ареал включены Новосибирское, Барнаульское, Томское Приобье и Кузнецкая котловина [Адамов, 2000, с. 82]. По моему мнению, со сrostкинской культурой на территории Новосибирского Приобья можно связывать погребальные комплексы конца I – начала II тыс. н.э. (три кургана могильника Ордынское-1, два Быстровки-1, курган Старый Шарап, погребения Крохалевки-13, могильник Березовый Остров-1). Об этом свидетельствует высокая степень сходства погребального обряда, керамики, предметного комплекса с таковыми на сrostкинских памятниках I тыс. н.э. Появление сrostкинцев в южно-таежной подзоне Западной Сибири относится к началу II тыс. н.э. К условно сrostкинским можно причислить Еловский и Усть-Киндинский могильники в Томском Приобье.

На это указывают некоторые особенности погребального обряда и инвентарного комплекса [Матющенко, Старцева, 1970; Чиндина, 1992]. К востоку от Новосибирского Приобья на территории Кузнецкой котловины сrostкинские традиции отмечены в материалах могильников начала II тыс. н.э. Калтышино-1, Шанда и Беково [Илюшин, 1993, с. 26–37; Савинов, 1997].

Со следующим периодом существования сrostкинской культуры на территории Новосибирского Приобья (XII – первая половина XIII в.), по мнению А.А. Адамова, связаны могильники Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2. С его точки зрения, абсолютная культурная преемственность прослеживается в погребальном обряде и керамическом комплексе. Качественные изменения в инвентаре, особенно в составе украшений, не свидетельствуют о смене населения на верхней Оби в XII в. [2002, с. 13].

Как показал сравнительный анализ погребальных комплексов Санаторного-1 и других могильников Новосибирского Приобья, о культурном единстве здесь можно говорить только в связи с памятником Ташара-Карьер-2. Достаточно близок им по погребальному обряду могильник Басандайка в Томском

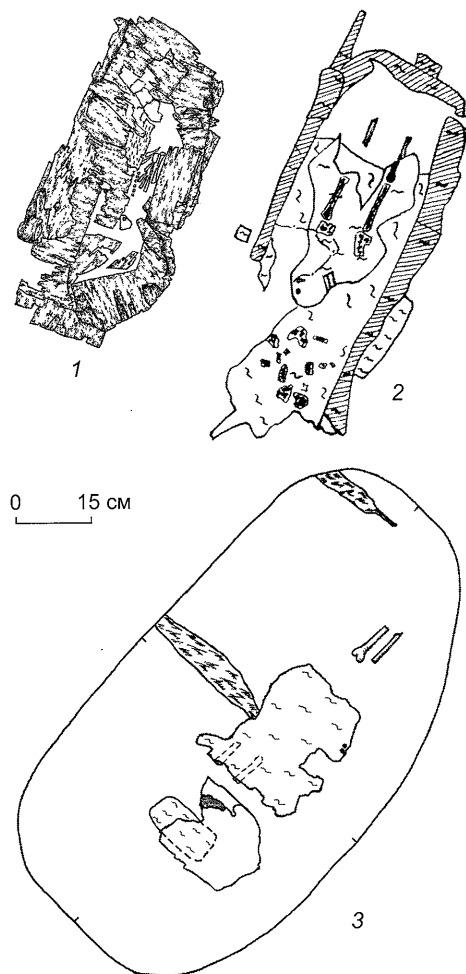

Рис. 2. Детские погребения.

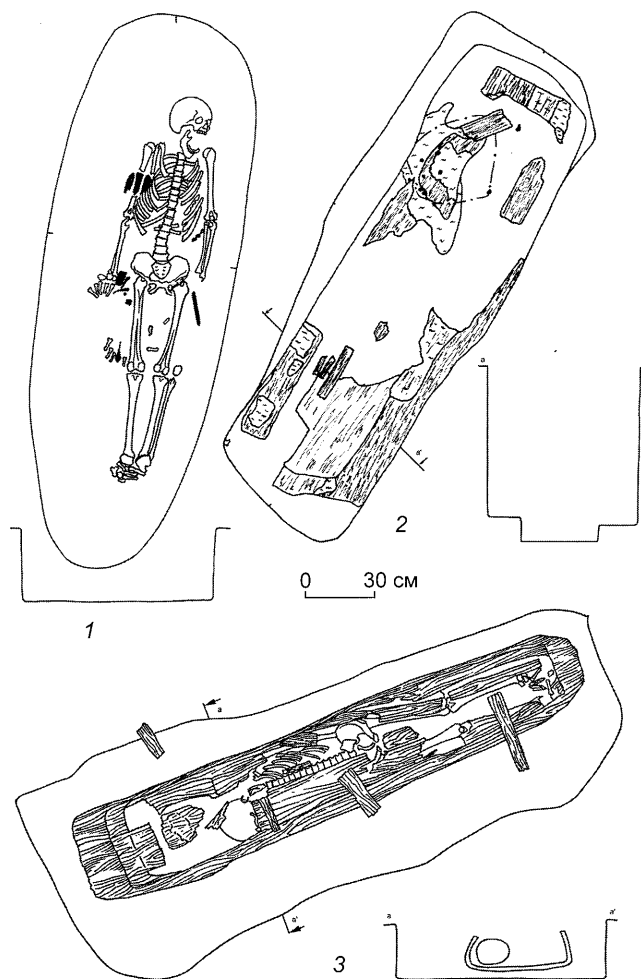

Рис. 3. Погребения взрослых.

Приобье. При сравнении материалов этих памятников и погребений X–XI вв. в Верхнем Приобье наблюдаются как значительное сходство, так и существенные различия. И если сходство обусловлено участием в этнокультурном процессе в первой трети II тыс. н.э. на территории Новосибирского Приобья носителей сrostкинской культуры, то отличия связаны с другими культурными традициями. С сrostкинскими погребальными обычаями можно соотнести преимущественно одиночные захоронения, помещение умерших в простую яму, северо-восточную ориентировку, использование берестяных “саванов” (рис. 2, 1) и подстилок (рис. 2, 3), колод (рис. 3, 2, 3), деревянных настилов и перекрытий могил, помещение в могилу коня (рис. 4), намогильные сооружения [Савинов, 1994, с. 91, 96, 99], деревянные срубы или рамы на уровне почвы (рис. 5), вертикальные столбы рядом с погребениями. Также для погребальной практики сrostкинской культуры характерно совершение действий, свидетельствами которых являются кострища, разрозненные кости животных и разбитые сосуды, скопления черепов и отдельные черепа лоша-

дей на погребенной почве. Встречается на сrostкинских погребальных памятниках расположение под одной насыпью до пяти могил, размещенных в один ряд параллельно друг другу [Там же, с. 91]. Многие из приведенных выше черт характерны и для культуры кимаков [Могильников, 2002а, с. 67–82; Савинов, 1994, с. 80–83].

К культурным традициям, не относящимся к традиционному сrostкинскому, на могильнике Санаторный-1 имеют отношение ориентировка погребенного, отличная от северо-восточной с отклонениями (см. рис. 2, 2; 3, 3; 4, 3, 5), размещение погребения в яме с уступами (см. рис. 3, 2), с подбоем (см. рис. 4, 5), помещение умершего в дощатый гроб, колоду с продольным перекрытием (см. рис. 3, 2), в берестяной короб с берестяной крышкой или без нее, но обернутый в берестяное полотно (см. рис. 2, 1), использование в качестве опоры для тела поперечных (иногда обожженных) плашек (см. рис. 2, 3). Кроме того, к особенностям погребальной практики, выявленным на могильнике, относятся разнообразие вариантов захоронения с человеком коня (см. рис. 4, 1–3, 5),

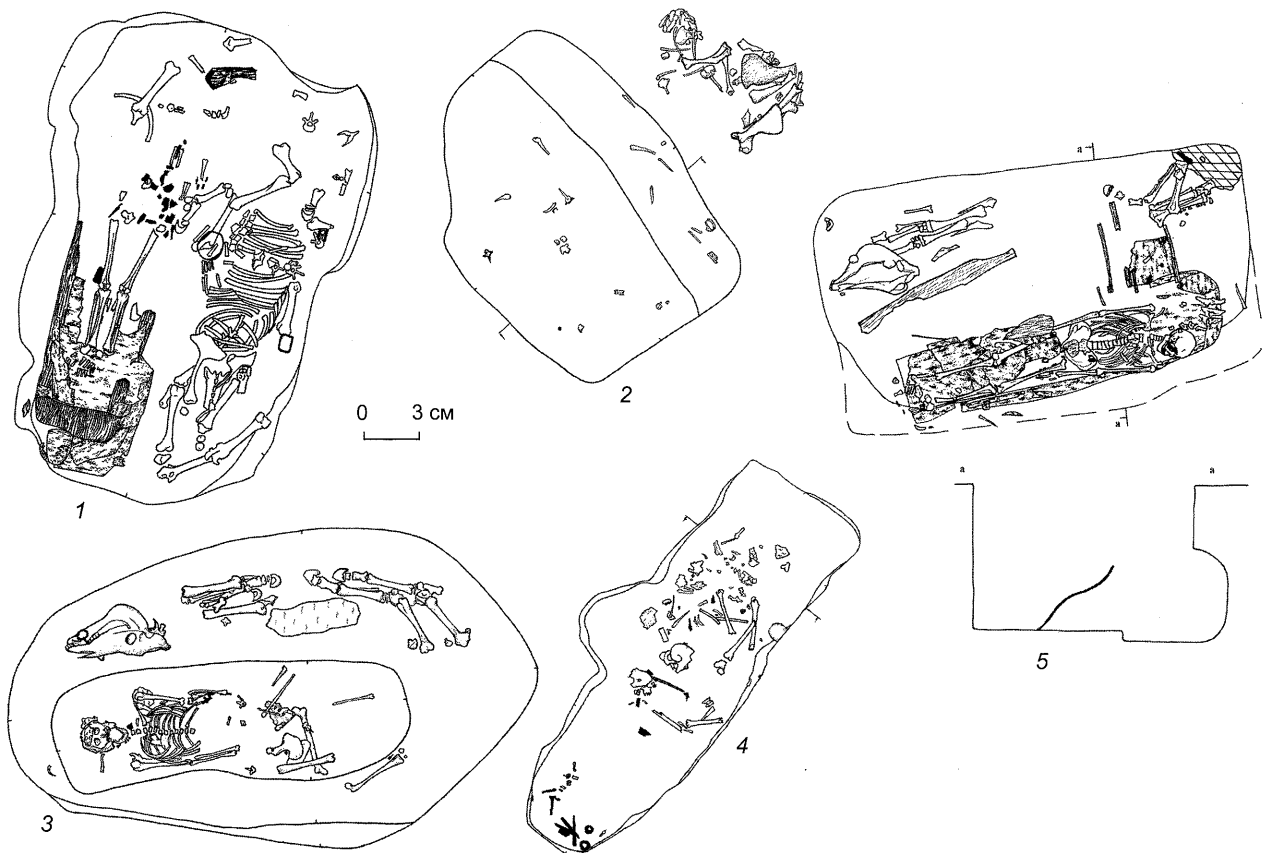

Рис. 4. Погребения с конем и конской упряжью.

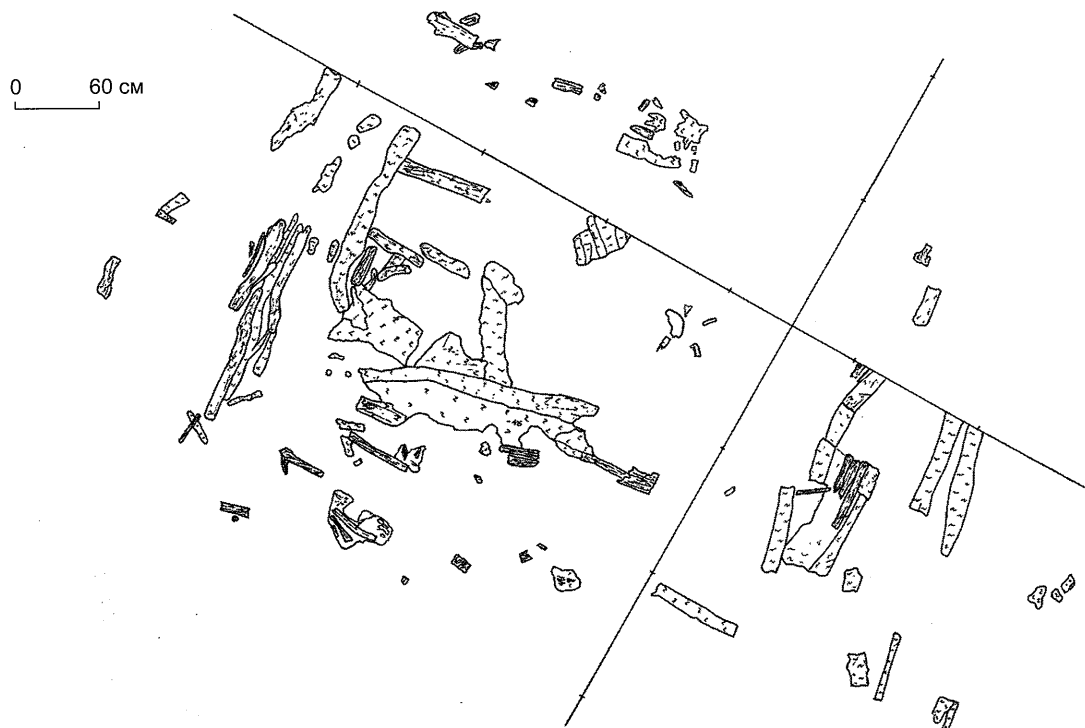

Рис. 5. Остатки деревянной рамы в кург. 19.

Рис. 6. Раскоп кург. 20. Фото С.Г. Рослякова.

размещение предметов конской упряжи в погребении и рядом с могилой на уровне почвы (см. рис. 4, 4), отсутствие в могилах следов погребальной пищи в виде костей животных и керамических сосудов. Яркой особенностью могильника Санаторный-1 являются вытянутые, “длинные” курганы с несколькими погребениями (до 27), расположенными в один ряд относительно параллельно друг другу поперек длинной оси насыпи (рис. 6).

Такие черты погребальной практики, как помещение умершего в колоду, устройство в могильной яме уступов, подбоя, размещение в погребении в ногах или под насыпью, вне погребения человека или коня деталей конской упряжи, находят аналогии в погребальных обычаях кимаков северо-западных предгорий Алтая, Верхнего и Среднего Прииртышья [Археологические памятники..., 1987, с. 115–243; Арсланова, 1968; Могильников, 2002а, с. 67–81; Савинов, 1994, с. 80–83]. Создание “длинных” курганов в качестве семейных усыпальниц также характерно для кимаков. Наибольшее количество погребенных под одной насыпью у кимаков – 11, как взрослых, так и детей. Могильные ямы расположены параллельно друг другу, поперек насыпи. Зафиксированы захоронения на древней дневной поверхности [Арсланова, 1987, с. 51–63]. Сооружение могильных ям с уступами вдоль одной или двух продольных стен, использование колод в качестве дополнительных внутримогильных конструкций отмечены у половцев [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 250].

Отдельно необходимо остановиться на сопогребении человека и коня. На могильнике Санаторный-1

представлены разные варианты данного типа захоронения. Для культур I тыс. н.э. Новосибирского и Томского Приобья погребения с конем нетипичны и редки. Однако такие захоронения в различных вариантах характеризуют археологическую культуру кимаков Прииртышья и сrostкинскую Западного, Северного Алтая, Барабы и Кузбасса [Савинов, 1994, с. 78–100]. Наиболее разнообразны они в погребальном обряде кимаков Верхнего Прииртышья. Здесь встречены сопогребения человека и целого коня, захоронения человека со шкурой (“чучелом”) коня, погребение коня в отдельной яме, размещение конского снаряжения в ногах умершего. На некоторых могильниках представлено несколько вариантов сопогребения человека и коня [Там же, с. 80–82]. На рубеже I и II тыс. н.э. ситуация меняется. В Казахстане, Средней Азии, Барабе и на Северном Алтае захоронения в сопровождении коня, относящиеся к этому времени, не зафиксированы. Так, в Верхнем Прииртышье и на Северном Алтае в погребениях находят только отдельные кости коня (череп, ребро, голень) и детали конской упряжи [Арсланова, 1968, с. 111; Ефремов, 2002, с. 103]. Стремя и удила обнаружены на погребенной почве в кургане могильника Осинцево IV в Барабе [Бараба..., 1988, с. 98]. Скопления предметов конской упряжи в насыпи курганов и размещение ее деталей в могиле отмечены в погребальном обряде кочевого населения Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, с. 102, 136]. Эта традиция сохраняется и в XIII–XIV вв. [Там же, с. 137].

Иная ситуация складывается в начале II тыс. н.э. к северу от Алтая. В Кузнецкой котловине на памят-

никах XI–XII вв. преобладают погребения коня в отдельной яме [Илюшин, 1993, с. 30; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 79–106]. На Томи зафиксированы захоронения человека с целым конем в одной могиле [Матющенко, Старцева, 1970; Чиндина, 1992]. В погребениях XII–XIV вв. в Притомье встречены исключительно черепа и кости конечностей коня, а также конская упряжь, которую клали в ногах покойного [Плетнева Л.М., 1997, с. 75–76, 126]. В Новосибирском Приобье на всем протяжении X–XIV вв. существовал обычай захоронения как с целым конем в отдельной яме (Березовый Остров, Ельцовское-1, Ташара-Карьер-2), так и с “чучелом” (шкурой) коня в одной могиле (Быстровка-1, Высокий Борок и Ельцовское-1) [Адамов, 2000, с. 17–24].

Как сказано выше, наибольшая вариабельность погребений с конем отмечена у населения конца I тыс. н.э. Верхнего Прииртышья и сопредельных территорий. В.А. Могильников полагает, что западно-алтайские и верхнеиртышские захоронения с “чучелом” коня принадлежат огузам, а с конем и без коня – кимакам или кимако-кыпчакам [2002а, 123–125]. С.М. Ахинжанов считает погребения с конем и шкурой коня кимакскими [1987, с. 244]. А.П. Бородовский связывает захоронения с шкурой коня Быстровки-1 с печенегами [Бородовский, Троицкая, 1998, с. 79]. На могильнике Санаторный-1 выделяется одно погребение с “чучелом” коня (см. рис. 4, 3). Захоронение женщины совершено в неглубокой яме, вырытой в дне большой ямы, в которой размещались голова и конечности коня. Погребенная и уложенное на левый бок слева от нее “чучело” были ориентированы головой на запад. Подобные погребения конца IX–XI в. в восточно-европейских степях разными исследователями определяются как печенежско-торческие (огузские) [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 248; Степи Евразии..., 1981, с. 218; Федоров-Давыдов, 1966, с. 134, 141]. Восточную ориентировку погребенных, сопребение человека и целого коня, иногда ориентированных в противоположные стороны, захоронение коня в отдельной яме традиционно связывают с половцами [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 250–251; Степи Евразии..., 1981, с. 218; Федоров-Давыдов, 1966, с. 145–147].

Значительный интерес вызывает сочетание на могильнике Санаторный-1 погребения с конем и такого элемента погребального сооружения, как подбой. Захоронения в подбое в последнее время выявлены на ряде памятников развитого средневековья на юге Западной Сибири [Кузнецов, 2001; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 126]. На сопредельных территориях до сих пор единичные случаи были известны на могильнике Бичикту-Бом в Горном Алтае и в курганах кипчаков Ждановского могильника XI–XII вв. в Павлодарском Прииртышье [Берс, Худяков, 1994, с. 64;

Степи Евразии..., 1981, с. 192]. У западных кипчаков – половцев подобные захоронения появляются в золотоордынское время, после прихода в Поволжье монголов и других племен с востока [Федоров-Давыдов, 1966, с. 160]. В предшествующую эпоху сочетание подбоя и сопроводительного захоронения коня или его “чучела” известно в погребальных памятниках кимаков Верхнего Прииртышья, тюрок Тянь-Шаня, реже встречается в погребениях тюркского времени в Кулунде [Археологические памятники..., 1987, с. 245; Могильников, 2002а, с. 76; Савинов, 1994, с. 82–83, 100; Табалдиев, 1996, с. 19–20]. Подобные захоронения обнаружены на тюркских памятниках Центральной Азии: в Горном Алтае, Монголии, Хакасии [Овчинникова, 1984, с. 215–216]. Больше всего их известно в Туве периода уйгурского владычества [Там же, с. 220]. Большинство исследователей связывают устройство подбоев в погребениях тюрок с влиянием уйгуров. По мнению Д.Г. Савинова и В.А. Могильникова, уйгуры могли принимать участие в формировании культур кимаков и населения Кулунды конца I тыс. н.э. [Могильников, 1988, с. 66; Савинов, 1994, с. 100]. Иную точку зрения высказал С.М. Ахинжанов. Он связал этот обряд “с выходцами из глубин Центральной Азии, где наряду с тюркоязычными обитали и монголоязычные этносы” [Ахинжанов, 1987, с. 246]. Однако, как отмечает К.Ш. Табалдиев, для Тянь-Шаня захоронения в подбоях были характерны и в претюркскую эпоху [1996, с. 24].

Так или иначе, в погребальной практике населения, оставившего могильник Санаторный-1, присутствуют ярко выраженные черты культуры кимаков или иной группы кочевников Казахстана, связанной с кимаками.

Из предметов, найденных на могильнике Санаторный-1, к сросткинскому комплексу можно отнести деталь бронзовой застежки, позолоченные бляшки и бляху-оправу с растительным орнаментом (рис. 7, 2, 3, 7). Однако двусоставные бронзовые застежки были широко распространены у населения степи и лесостепи с IX по XII в., особенно у кимаков [Адамов, 2000, рис. 34; Могильников, 2002а, с. 133; Чиндина, 1992, рис. 2]. Крыловидные бляхи и бляшки с растительным орнаментом более характерны для кимакского предметного комплекса [Могильников, 2002а, рис. 48, 218; Савинов, 1994, табл. XI, XII]. Дальнейшим развитием кимакской традиции можно считать найденные на могильнике Санаторный-1 железные застежку, парные сердцевидные поясные бляшки на шпеленках и листовидные пластины с зубцами (рис. 7, 4, 5, 8) [Алехин, 1998, рис. 1; Могильников, 2002а, рис. 106]. Гораздо больше сросткинских предметов, в основном украшений и деталей поясной гарнитуры, в материалах Басандайки [Басандайка, 1947, табл. 30,

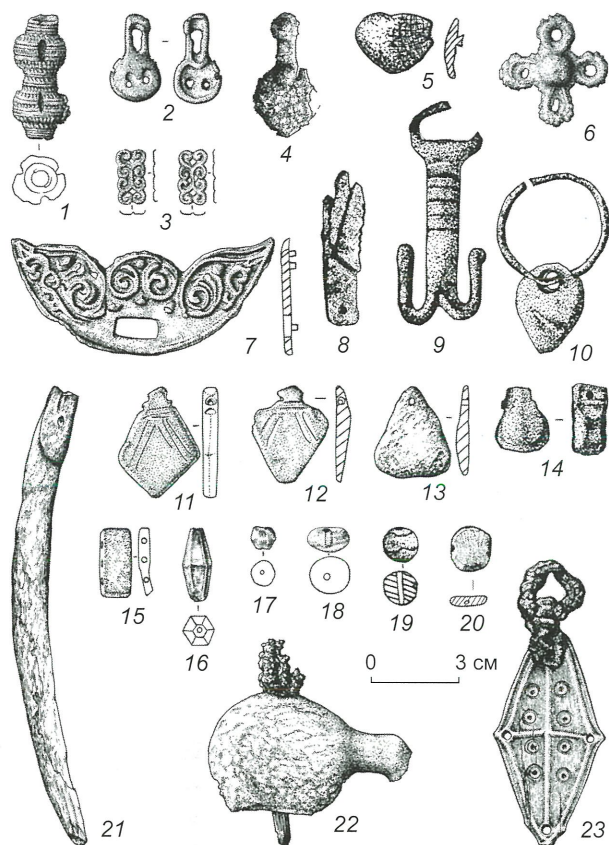

Рис. 7. Находки из погребений.

1 – пронизка; 2, 4 – застежки; 3, 5 – бляшки; 6, 7, – бляхи; 8 – пластина с зубцами; 9 – крюк для крепления голенища сапог; 10–14, 23 – подвески; 15–20 – бусины; 21 – кочедык; 22 – навершие рукояти плети.

1, 2, 6, 7, 9 – бронза; 3 – серебро с позолотой; 4, 5, 8 – железо; 10 – серебро, лазурит; 11, 12, 15 – лазурит; 13 – створка раковины; 14 – янтарь; 16, 17 – сердолик; 18 – хрусталь; 19, 20 – стекло; 21 – рог; 22, 23 – рог, железо.

39, 50 и др.]. На могильниках Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 представлен комплекс украшений, включающий лазуритовые подвески, сердоликовые и стеклянные бусы, височные кольца с дисками из стекла и лазурита, перламутровые подвески и подвески из веточек коралла, украшения из янтаря, бронзовые подвески (рис. 7, 10–20) [Новиков, 1998, с. 51]. Наиболее полный аналог данного набора предметов известен в материалах Басандайки [Басандайка, 1947, табл. 40, 48, 49 и др.]. Достаточно близкие параллели обнаруживаются в инвентаре могильника Осинки и других, пока единичных погребений Алтая первой трети II тыс. н.э. (Бичикту-Бом и Малый Гонбинский Кордон-1) [Берс, Худяков, 1994, рис. 3–5; Кунгуров, 1993, рис. 1, 2; Савинов, Теробенин, 1972, с. 47]. Подобный комплекс украшений хорошо известен по материалам погребений кочевников южно-русских степей [Артамонова, 1963, рис. 59–71; Плетнева С.А., 1973, табл. 12]. Наиболее яркой составляющей этого комплекса явля-

Рис. 8. Фрагмент зеркала.

ются лазуритовые подвески. В Западной Сибири они представлены на ряде памятников правобережья Оби, а также Горного Алтая [Басандайка, 1947, табл. 48, 59, 62 и др.; Берс, Худяков, 1994, рис. 3; Кунгуров, 1993, рис. 2; Новиков, 1998, с. 51; Савинов, Теробенин, 1972, с. 47]. В Восточной Европе лазуритовые подвески найдены в погребениях кочевников X–XII вв. от Прикаспия до Киевщины, а также в Крыму [Макарова, 1962, рис. 2]. Кроме того, они обнаружены в слое городища Саркел – Белая Вежа в Поволжье [Там же]. Большинство из этих памятников связано с торко-печенегами и половцами. Среди восточно-европейских древностей предмонгольского периода имеются также аналоги бронзового зеркала с дугообразным орнаментом, крыловидной и четырехлепестковой ажурной блях, навершия плети (рис. 7, 6, 7, 22; 8) [Федоров-Давыдов, 1966, рис. 3, 8, 12, 13]. Зеркало на могильнике Санаторный-1 обнаружено в погребении женщины, похороненной в соответствии с печенежско-огузской традицией захоронения с конем. С культурой половцев (кыпчаков) памятник связывают крюки для крепления длинных голенищ сапог (см. рис. 7, 9) [Адамов, 2000, с. 59, 84].

Обнаруженные на могильнике Санаторный-1 следы обожжения трупов перед захоронением или во время него, разведения костра в могильной яме, угли в ее заполнении зафиксированы также на Басандайском курганном могильнике XI–XIII вв. в Притомье и ряде погребальных памятников Кузнецкой котловины [Бояршинова, 1947, рис. 157–159; Илюшин, 1999, с. 55–56, 63; Илюшин, Сулейменов, 1998, с. 79–106]. А.М. Илюшин связывает данную традицию с верхнеобской культурой [Илюшин, 1999, с. 74]. Действительно, наряду с полным трупосожжением, на памятниках этой культуры в Новосибирском и Том-

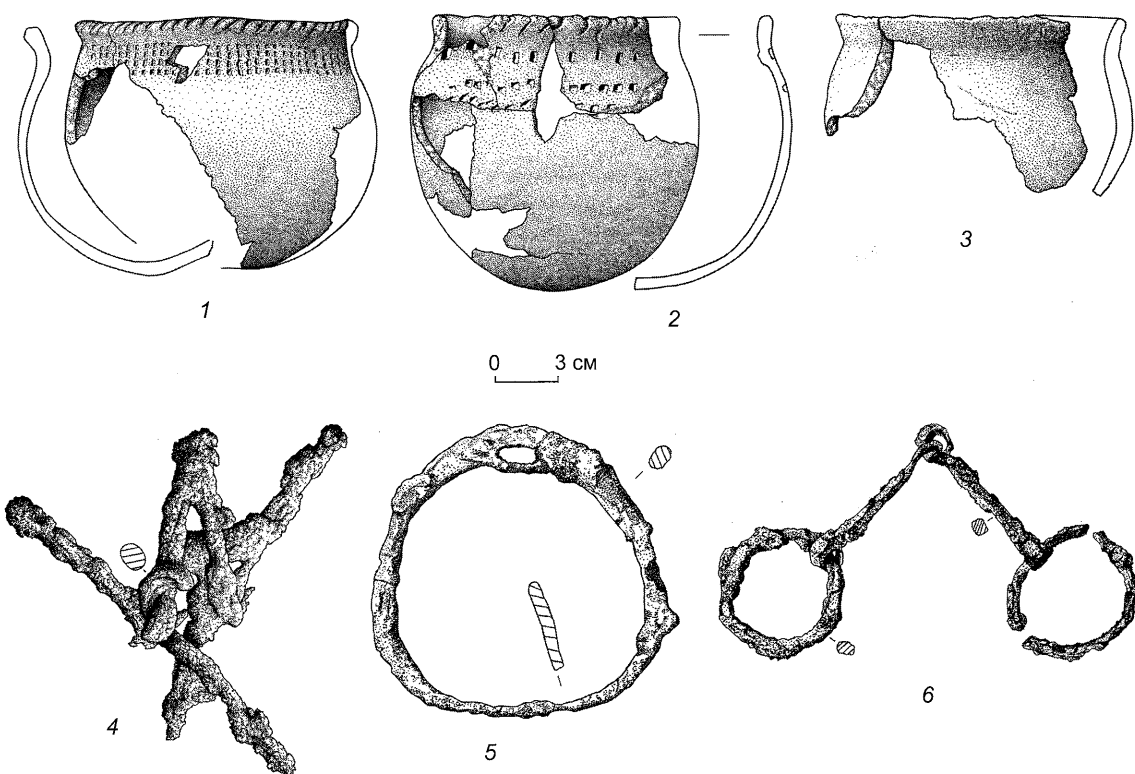

Рис. 9. Керамика (1–3) и детали конской упряжи (4–6).

ском Приобье известны случаи частичного сожжения [Гаман, 1994, с. 237, 240, 242; Троицкая, Новиков, 1998, с. 23]. Также проявлением верхнеобского влияния на культуру населения Новосибирского Приобья и сопредельных территорий начала II тыс. н.э. можно считать некоторые особенности керамики с могильников и поселений (рис. 9, 1–3). По мнению А.А. Адамова, сосуды X–XII вв. из Новосибирского Приобья по всем своим показателям аналогичны сrostкинским, а сходство с керамикой верхнеобской культуры наблюдается лишь в орнаментации, и то в малой степени, что свидетельствует о крайне незначительном участии верхнеобцев в формировании культуры населения региона в начале II тыс. н.э. [2000, с. 77, 80]. Однако плоскодонные сосуды, характерные для сrostкинской культуры, встречены в Новосибирском Приобье только на могильнике Быстровка-1 рубежа тысячелетий и на поселении Ордынское-5. Основная же масса сосудов с памятников первой половины II тыс. н.э. на этой территории имеет круглое дно [Там же, с. 30]. Учитывая данный факт, а также схожесть некоторых элементов и мотивов орнамента на керамике верхнеобской культуры и посуде начала II тыс. н.э., большую степень орнаментированности последней в сравнении со сrostкинской, можно констатировать значительное воздействие керамической традиции верхнеобцев на таковую населения Новосибирского Приобья эпохи развитого средневековья. Ее

влияние обнаруживается и в басандайской культуре, о чем свидетельствуют сосуды с памятников Томского Приобья [Плетнева Л.М., 1997]. В Кузнецкой котловине, Нижнем Притомье, по мнению А.С. Васютина, это влияние было определяющим [2003, с. 186]. Предметный комплекс памятников Новосибирского Приобья начала II тыс. н.э. аналогов в верхнеобской или иных культурах населения таежной зоны Западной Сибири почти не имеет. Исключение составляют крыловидная бляха с личиной из погребения могильника Березовый Остров-1 [Адамов, 2000, рис. 44] и пронизка с шаровидными вздутиями с могильника Санаторный-1 (см. рис. 7, 1). Больше аналогов изделий, происходящих из таежной зоны Западной Сибири, в материалах могильников Томского Приобья [Басандайка, 1947, с. 69, 72; Плетнева Л.М., 1997, рис. 46, 97, 163; Чиндина, 1992, рис. 2].

Санаторный-1 представляет культурные традиции населения Новосибирского Приобья предмонгольского времени. Однако здесь присутствуют отдельные черты, не характерные для культур лесостепной полосы Западной Сибири и сопредельных территорий первой трети II тыс. н.э., но широко представленные в материалах могильников на юге Западной Сибири, в Казахстане, а также памятников Восточной Европы последующего периода. В первую очередь, это ориентация погребенных головой на запад с отклонениями к югу и северу (см. рис. 3, 3; 4, 3). Наряду с се-

веро-восточной, она встречается на памятниках XIII–XIV вв. Новосибирского и Томского Приобья и является основной в лесостепном Алтае и Барабе. Начиная с середины XIII в. западная ориентация становится преобладающей в захоронениях кочевников Южного Приуралья и Поволжья [Иванов, Кригер, 1988, с. 45, 47; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 274]. В Центральной Барабе она, наряду с восточной, распространена со сроткинских времен [Бараба..., 1988, с. 104] и, по мнению исследователей, является местной потчевашской погребальной традицией [Бараба..., 1988, с. 86]. В Средней Азии и Казахстане северная, северо-западная, реже западная ориентации становятся преобладающими с начала II тыс. н.э. [Степи Евразии..., 1981, с. 193]. Еще два элемента связаны с оформлением могильных ям. Помимо могильника Санаторный-1 оборудование дна ямы поперечными плашками (см. рис. 2, 3) и стен досками зафиксировано только в погребениях монгольского времени в Томском Приобье и лесостепном Алтае [Плетнева Л.М., 1997, с. 73; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002, с. 126].

В целом особенности погребального комплекса могильника Санаторный-1 свидетельствуют о том, что он не принадлежит к числу сроткинских. Степень сходства с Басандайским и могильником в устье Малой Киргизки в Томском Приобье позволяет отнести его, а также аналогичный памятник Ташара-Карьер-2 к басандайской культуре, впервые выделенной В.А. Могильниковым на основе материалов погребений Еловского и Басандайского некрополей [1980, с. 245–246]. Как материальная культура населения Томского Приобья XI–XIV вв. она была наполнена содержанием в работах Л.М. Плетневой [1993, 1997], которая высказала предположение о расширении ее ареала за счет Новосибирского Приобья и Среднего Притомья. Позднее А.М. Илюшиным и А.С. Васютиным к басандайской культуре были отнесены памятники Среднего Притомья и Кузнецкой котловины [Васютин, 2003; Илюшин, 1998; Плетнева Л.М., 1997, с. 123].

По моему мнению, в формировании басандайской культуры участвовало несколько культурных компонентов. Основную роль играли носители сроткинских традиций, продвинувшиеся на территорию Новосибирского Приобья на рубеже I и II тыс. н.э. В Томском Приобье мигранты появились в начале II тыс. н.э. Вторым компонентом были кимаки либо культурно близкие им представители “кимако-кыпчакского этносоциального объединения” (кыпчаки?), которые принесли в Верхнее Приобье комплекс украшений, получивших достаточно широкое распространение в XI–XII вв. в восточно-европейских степях. С ними можно связать осинкинский тип памятников. Третьим компонентом в сложении новой куль-

туры в Новосибирском, Томском Приобье и особенно в Кузнецкой котловине были носители верхнеобских традиций. Баланс основных компонентов, а также участие иных, менее выраженных, например огузских, определили своеобразие локальных вариантов басандайской культуры на разных территориях. Погребальные комплексы Новосибирского Приобья отличает преимущественно северо-восточная ориентация умерших и разнообразие захоронений человека с конем. В Томском Приобье господствует южная ориентация. Достаточно своеобразны погребальные памятники Кузнецкой котловины. Их деление на две культурно отличные группы свидетельствует о формировании новой культуры на базе двух устойчивых равнозначных традиций [Илюшин, 1998, с. 94]. На территории лесостепного Алтая отсутствует явное верхнеобское влияние, при этом наряду со сроткинским вычлняются несколько южных – тюркских (могильник Осинки) и, возможно, монгольских (могильник Телеуцкий Взвоз-1) – компонентов. Внутри локальных вариантов каждый памятник имеет признаки, свидетельствующие об определенных узкогрупповых культурных особенностях оставившего его населения. Так, Санаторный-1 на фоне других схожих с ним по погребальному обряду могильников Новосибирского и Томского Приобья имеет яркие отличительные черты: разнообразие сопребения человека и коня, отсутствие в могилах или непосредственно рядом с ними следов погребальной пищи – костей животных и посуды.

Многокомпонентность этнической группы, оставившей могильник Санаторный-1, подтверждается и данными антропологии. Серия черепов из могильников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 была проанализирована в диссертационной работе Д.В. Позднякова. По его мнению, мужская группа из могильника Санаторный-1 “по своим характеристикам занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными популяциями и обнаруживает значительное сходство с представителями сроткинской культуры Барнаульско-Бийского Приобья” [Поздняков, 2004, с. 130]. В женской серии антрополог выделяет два различных морфологических типа. Первый сближается с западно-сибирской, второй – с восточно-средиземноморской расой. Последний тип в эпоху средневековья был достаточно широко представлен на территории Южного Приаралья, Южного Туркменистана, Согда, Северного Таджикистана [Там же, 2004, с. 93]. Здесь необходимо вспомнить об афганском происхождении лазурита, разработки которого велись на границе Таджикистана и Афганистана. При сравнении краниологических коллекций памятников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 отмечается их схожесть. По антропологическому типу население, оставившее эти могильники, близ-

ко носителям сроткинской культуры Верхнего Приобья. В обеих сериях фиксируется и “ощутимая примесь морфологического комплекса, характерного для таежных популяций Западной Сибири”, причем доля этой примеси на могильнике Ташара-Карьер-2, расположенном на границе с таежной зоной, выше [Там же]. Сходные антропологические данные получены и по материалам Басандайки, а также Астраханцевского курганного могильника [Плетнева Л.М., 1997, с. 129]. Причем, по мнению Д.В. Позднякова, таежный компонент в морфологическом типе населения, оставившего могильник Басандайка, выражен максимально [2004, с. 148].

Материалы памятников Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2 в Новосибирском Приобье отражают определенный этап в становлении новой культуры. Дальнейшее ее развитие связано с монгольским временем и представлено на таких памятниках, как Высокий Борок, Ельцовское-1, Седова Заимка и др. в Новосибирском Приобье, Астраханцевский могильник в Томском Приобье. На могильниках XIII–XIV вв. отсутствуют “длинные” курганы с несколькими параллельными друг другу могилами. Под одной насыпью располагается одно, реже два или три погребения. Из ритуальных действий исчезает трупобожжение. В качестве внутримогильных конструкций чаще используют дощатые гробы и колоды. Ориентация погребенных становится менее устойчивой. Сохраняется сопребение человека и коня, но чаще в могилы помещают только конскую упряжь. В Новосибирском Приобье в погребениях отсутствует глиняная посуда. Инвентарь становится более унифицированным. Развитие керамики происходит на базе сформировавшейся культурной традиции.

Таким образом, относительно памятников начала II тыс. н.э. в Верхнем Приобье можно говорить лишь о культурно-генетических тенденциях, процессе складывания новых археологических культур и этнокультурных общностей, формирующихся в чистом виде к XIII в. Памятники Новосибирского Приобья первой половины II тыс. н.э. делятся на три группы, отражающие разные этапы сложения и развития новой культуры: 1-й – проникновение на данную территорию носителей сроткинской культуры, 2-й – интеграция сроткинских, кимакских (кыпчакских) и верхнеобских традиций, 3-й – расцвет. Памятники XI–XIV вв. в Новосибирском и Томском Приобье, а также в Кузнецкой котловине относятся к басандайской культуре.

Список литературы

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000. – 256 с.

Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2002. – С. 12–16.

Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 12–20.

Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–IX вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – С. 98–111.

Арсланова Ф.Х. Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири: (История и археология). – Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. – С. 50–69.

Аргамонова О.А. Могильник Саркел – Белая Вежа // МИА. – 1963. – № 109. – С. 9–215.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / С.М. Ахинжанов, А.С. Ермолаева, А.Г. Максимова, З.С. Самашев, Ж.К. Таймагамбетов, Ю.И. Трифонов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 280 с.

Ахинжанов С.М. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 243–246.

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосымак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р.Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – 219 с. – (Тр. Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ин-та; Т. 98).

Берс Е.М., Худяков Ю.С. Погребение у с. Бичиктубом // Археология Горного Алтая: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 61–73.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Средневековые курганы с квадратными рвами из Новосибирского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 73–81.

Бояршинова З.Я. Погребальный ритуал в Басандайских курганах // Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1947. – С. 151–165. – (Тр. Том. гос. ун-та и Том. гос. пед. ин-та; Т. 98).

Васютин А.С. Культурно-хронологические особенности курганных могильников Среднего и Нижнего Приобья в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н.э. // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2003. – С. 181–187.

Гаман А.Д. Томское и Нарымское Приобье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – С. 234–245.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV вв.). – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.

- Ефремов С.А.** Погребальный обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 5. – С. 99–109.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 96 с.
- Илюшин А.М.** Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. – 116 с.
- Илюшин А.М.** Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. – С. 91–94.
- Илюшин А.М.** Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1999. – 208 с.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во Кузб. гос. техн. ун-та, 1998. – 286 с.
- Кузнецов Н.А.** Курганы с подбоем в Кузнецкой котловине // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 42–44.
- Кунгуров А.Л.** Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – Ч. 2. – С. 220–225.
- Макарова Т.И.** Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // АСГЭ. – 1962. – № 6. – С. 85–91.
- Матющенко В.И., Старцева Л.М.** Еловский курганный могильник эпохи железа // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – Вып. 5. – С. 152–174.
- Могильников В.А.** Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н.э. // Народы и языки Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 242–248.
- Могильников В.А.** Особенности культуры населения тюркского времени Кулундинской степи // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. – Вып. 1: Досоветский период. – С. 64–66.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002а. – 362 с.
- Могильников В.А.** Своеобразие локальных регионов сrostкинской общности в связи с проблематикой этногенеза тюркоязычных народов Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири” (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2002б. – С. 74–77.
- Неверов С.В., Горбунов В.В.** Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 176–178.
- Новиков А.В.** Могильник начала II тыс. н.э. близ с. Ташара // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 1998. – С. 50–51.
- Овчинникова В.Б.** Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый восток: История и филология (проблема источникововедения). – М.: Наука, 1984. – С. 215–223.
- Плетнева Л.М.** О басандайской культуре // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 42–43.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 350 с.
- Плетнева С.А.** Древности черных клубуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с.
- Поздняков Д.В.** Антропологический состав населения Западной и Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э. – первой половине II тыс. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 333 с.
- Росляков С.Г.** Культурная характеристика погребальных памятников Новосибирского Приобья в начале II тыс. н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 188–190.
- Савинов Д.Г.** Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 216 с.
- Савинов Д.Г.** Могильник Калтышино-1: (Новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77–99.
- Савинов Д., Теренин В.** Алтайские находки // Декоративное искусство СССР. – 1972. – № 10. – С. 46–47.
- Степи Евразии в эпоху средневековья / А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, И.Л. Кызласов, Л.Р. Кызласов, Н.А. Мажитов, В.А. Могильников, С.А. Плетнева, А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов.** – М.: Наука, 1981. – 304 с.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 276 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1966. – 270 с.
- Чиндина Л.А.** Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Материалы Всерос. конф. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1992. – С. 128–132.

УДК 903.2

А.В. Бауло¹, М.Л. Истомин², Н.В. Федорова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

²пос. Шурышкары, Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий АО, Россия
³Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского, г. Салехард

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Р. Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БРОНЗОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ: НОВЫЕ НАХОДКИ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Введение

В последние годы на севере Западной Сибири найдено немало разнообразных художественных бронзовых изделий эпохи средневековья. К сожалению, далеко не все они опубликованы: можно упомянуть неизвестные широкому кругу исследователей блестящие коллекции бронз в музеях пос. Аксарка Приуральского р-на и пос. Мужы Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО. Вместе с тем максимально полная публикация находок необходима для решения принципиальных вопросов: создания типологии бронзовых артефактов, определения места и времени их производства, путей распространения и, в конечном счете, уровня развития культуры в регионе в эпоху средневековья. Задачей статьи является введение в научный оборот бронзовых изделий, найденных в 2002–2004 гг. на территории западной части Ямало-Ненецкого АО. Авторы отдают себе отчет в том, что вещи происходят из случайных сборов, а не являются атрибутами археологических памятников со всеми вытекающими отсюда последствиями – невозможностью датировки по комплексу сопутствующих артефактов, трудностями в определении назначения предметов и т.д.

Вещи из этнографических сборов

1. **Антропоморфная личина.** Пос. Зеленый Яр (р. Полу). Здесь на чердаке одного из домов в священном

сундучке хантов находилась фигура семейного духа-покровителя в одежде из куска пестрой ситцевой ткани; на ее шее были завязаны красная и зеленая ленты, а также привязана двухкопеечная монета выпуска 1955 г. [Бауло, 2004, с. 92, рис. 3]. Лицо божества было обозначено бронзовой антропоморфной личиной эпохи средневековья.

Личина плоская, овальная, причем овал несимметричный. Размеры 8,7×7 см (рис. 1). Внизу личины остатки металла в литнике, имитирующие шею антропоморфного персонажа. Отлита из белой бронзы, заливка металла производилась снизу, от “шеи”. Можно предположить, что эта отливка была первой или одной из первых в данной форме – грани деталей изображения очень четкие. На обороте фиксируется “песчанистая” структура формы. Изделие согнуто по длинной оси овала, так что посередине этой оси прослеживается заметное ребро. Личина представляет собой изображение человеческого лица в фас. Резко очерченные брови нависают над круглыми, близко посаженными глазами, переданными кольцевыми желобками. Нос показан прямым валиком. Рот маленький в виде углубленной узкой восьмерки, внутри петель которой слабо заметны выпуклые кружки. По краю личины изображены две зооморфные фигуры, соприкасающиеся вверху раскрытыми пастьями. Их тела орнаментированы такими же кольцевыми желобками, как глаза; длинные хвосты, украшенные овальными углублениями, соприкасаются у “подбородка” личины. На оборотной стороне изделия негатив изоб-